

РУССКАЯ ЛАПЛАНДИЯ

Кандидат биологических наук Николай ВЕХОВ,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева
Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ

Кольский полуостров, расположенный на северо-западе нашей страны, омываемый Баренцевым и Белым морями, – в настоящее время самый исследованный учеными приарктический регион планеты. Именно здесь в 1930-х годах появились первые в Заполярье институты АН СССР и ряда отраслевых министерств. А ведь чуть более 100 лет назад Русская Лапландия, как именовали этот край в исторической литературе, слыл глухим медвежьим углом, знания о котором мало чем отличались от средневековых и изобиловали домыслами, легендами, малоправдоподобными слухами.

В верховьях реки Колы.

Река Верхняя Кица.

Кольский полуостров, или Мурман, — восточная часть ареала обитания лопарских (саамских) племен — вошел в состав владений Новгородской республики* в начале XIII в. Естественно, его посещали десятки путешественников, постепенно пополнявших «копилку» разнообразных сведений о людях и природе далекой северной земли. Пионером же ее аналитического исследования стал неоднократно там побывавший в 1720-х годах знаменитый ученый-энциклопедист Михаил Ломоносов (действительный член Петербургской АН с 1745 г.)**. А в 1727–1730 гг. туда организовал первую астрономо-геодезическую экспедицию состоявший на службе в России французский ученый Луи Делиль де ла Кройер (академик с 1727 г.). Он осмотрел остров Кильдин в Баренцевом море, селения Кола, Кандалакша, Ковда, Кереть, берега Белого моря, вел журнал наблюдений, определял широты перечисленных пунктов.

Первый период изучения Русской Лапландии можно назвать географическим. Накопленные к началу

XVII в. соответствующие данные были включены в «Книгу Большому Чертежу» (описание крупнейшей карты того времени, составленной московским Разрядным приказом в 1627 г. и, к сожалению, не сохранившейся). А в 1745 г. Петербургская АН издала атлас, где впервые были правдоподобно отображены очертания Кольского полуострова, схематично показано местоположение его крупнейших рек, озер, поморских селений и т. д.

Во второй половине XVIII в. в далекий северный край отправились представители нового поколения исследователей. Достойный вклад в познание его природы внес естествоиспытатель, путешественник Иван Лепехин (академик с 1768 г.), побывавший тут в 1771 и 1772 гг. Он одним из первых произнес пророческие слова о богатствах здешних недр: «От сих отрогов вниз по губе к Терскому берегу (от Кандалакшских гор на восток, вдоль северного берега Белого моря. — Н. В.) великие каменные находятся ущелья; отменное положение их, вывороченные сопки великую подают надежду к отысканию металлов».

Собранные ученым материалы послужили основой для четырехтомного издания «Дневные записки пу-

*См.: В. Даркевич. Вечевая республика на Волхове. — Наука в России, 1998, № 5 (прим. ред.).

**См.: Э. Карпеев. Гигант российского просвещения. — Наука в России, 2003, № 3 (прим. ред.).

*Река Харловка.
Семга идет в порог.*

Саамский праздник.

тешества доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства» (1771-1805 гг.). А изучавший здесь в те же годы быт и промыслы поморов Николай Озерецковский (академик с 1779 г.) по результатам своих изысканий опубликовал ряд историко-этнографических и природоведческих очерков, в том числе «Описание Колы и Астрахани» (1804 г.) — первую печатную работу о Русской Лапландии.

Начало XIX в. для этой окраинной области империи ознаменовалось экспедициями, инициированными государством, — таким был его своеобразный ответ скандинавским странам, издавна притязавшим на Кольский полуостров. Так, Швеция и Норвегия, чьи северные районы тоже населяли в основном саамы, мотивировали свои претензии невниманием к нему наших властей, неразвитостью здешней хозяйственной сферы. Действительно, на бескрайних просторах нашей части Лапландии наряду с несколькими тысячами русских, проживавших в приморских районах, обитали всего около трех тысяч лопарей, главными же занятиями населения, как и в древности, были добыча морского зверя, рыболовство и пушной промысел.

В связи с таким положением дел в 1821-1824 гг. Адмиралтейский департамент командировал на Мурман группу специалистов. Ее возглавил мореплаватель, географ Федор Литке (в 1864-1882 гг. — президент Петербургской АН, один из организаторов в 1845 г. Русского географического общества), издавший в 1828 г. капитальный труд «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан...». В 1826-1832 гг. начатое им продолжил военный гидрограф Михаил Рейнеке. В его «активе» — сведения о приливах и морских течениях, точные координаты

ряда пунктов, вошедшие в атлас Белого моря и Лапландского берега (1831 г.), затем в двухтомное «Гидрографическое описание северного берега России» (1843 и 1850 гг.)*.

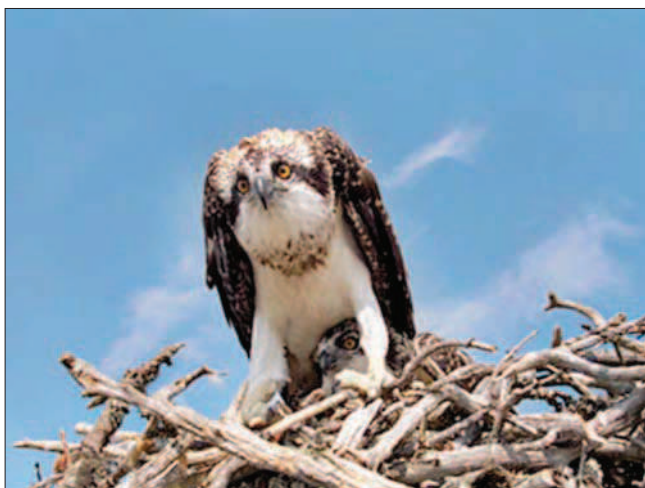
Следующий этап познания Русской Лапландии был природоведческим и этнографическим. В 1840 г. Карл Бэр (с 1862 г. почетный член Петербургской АН) и Александр Миддендорф (с 1865 г. почетный член АН) изучали Вайда-губу, восточную часть Кольского полуострова, биологию птиц и животных, уточнили на картах географическое положение многих рек, озер, населенных пунктов. Кроме того, в 1870 г. Бэр вновь появился на Мурмане для исследования омывающей его берега нордкапской ветви теплого морского течения Гольфстрим.

*См.: М. Ципоруха. Мореплаватель — президент Российской академии. — Наука в России, 2000, № 1 (прим. ред.).

Река Умба.

Скопа.

В 1841-1842 гг. в Русскую Лапландию, затем в Карелию* и Сибирь отправился финский этнограф, языковед, путешественник, выпускник Гельсингфорского (Хельсинского) университета Маттис А. Кастрен**. Итогом экспедиции стала изданная уже после его смерти на норвежском языке книга, ставшая первым научным трудом о российских лопарях, включавшим сведения об их сказаниях, верованиях, быте и языке.

В 1887 г. этнограф Николай Харузин вместе с сестрой и коллегой Верой посетил погосты Бабинский, Экостровский, Ловозерский, Кильдинский

и др., собрав огромный материал по культуре, быту, истории саамов. Через три года он опубликовал фундаментальный труд «Русские лопари», удостоенный золотых медалей Императорского русского географического общества, Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, на многие годы ставший самым полным собранием сведений об особенностях этого малочисленного народа.

Однако в те годы Кольский полуостров все еще оставался в сознании общества Богом забытым захолустьем, безбрежной пустыней, официально считавшейся лишенной каких-либо природных богатств. Впервые пробудила к нему интерес экспедиция финских ученых под патронажем Петербургской АН, возглавленная Вильгельмом Рамзаем (1887-1892 гг.). Ее участники геолог Виктор Гакман, зоолог Юхан Пальмен, ботаники Освальд Чильман, Виктор Бротериус изучали фауну и флору Русской Лапландии, картограф Альфред Петрелиус составил первую подробную карту Хибинских гор, определил ряд астрономических пунктов, провел съемку бассейнов реки Имандры, Умбозера и Ловозера.

Особенно важно, что в отчетах естествоиспытателей содержится первое упоминание о наличии здесь апатита — «камня плодородия», сырья для получения фосфорных удобрений, а также о Ловозерских тундрах (втором по величине после Хибин здешнем горном массиве). Не случайно современная карта этого региона пестрит названиями в честь участников экспедиции, а один из обнаруженных ими минералов получил имя рамзаит.

В конце XIX — начале XX в. здесь появились первые научные учреждения. В 1899 г. с Соловецкого ар-

*См.: Н. Чикина. Целебные воды Карелии. — Наука в России, 2010, № 2 (прим. ред.).

**В то время Финляндия на правах обладающего значительной самостоятельностью протектората входила в состав Российской империи (прим. авт.).

Хибины.
Отстойник нефелинового
производства.

Саамский сейд
(священный камень).

хипелага* сюда, в новый административный центр Кольского уезда Архангельской губернии — только что заложенный город Александровск-на-Мурмане (на берегу Екатерининской гавани Кольского залива Баренцева моря), перевели биологическую станцию Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Надо сказать, за годы пребывания на прежнем месте она сыграла исключительную роль в познании не только ранее неизвестных особенностей региона Белого моря, но и природы в целом. Именно тогда были заложены основы отечественной гидробиологии.

На Кольском же полуострове станцию развернули в большем объеме, чем на Соловках, и вскоре она получила известность не только в нашей стране, но и за рубежом. Тут устроили проточные морские аквариумы, установили оборудование, позволявшее проводить изыскания в прибрежной зоне, создали прекрасную библиотеку и научно-вспомогательный музей, где была представлена вся здешняя фауна; в 1902 г. приобрели для исследовательских целей бот «Орка», а через 6 лет — шхуну «Александр Ковалевский». Несмотря на небольшой штат сотрудников, на станции интенсивно изучали морских животных и растения, ежегодно проходили практику студенты. В 1929 г. ее объединили с Плавучим морским научно-исследовательским институтом, на базе которого позднее организовали Полярный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии.

В 1898 г. в Русской Лапландии начала работу Мурманская научно-промысловая экспедиция, организованная и возглавленная выдающимся специалистом в области океанографии и морской биологии

Николаем Книповичем (почетный член АН СССР с 1935 г.). Ее коллектив много сделал для выявления реальных запасов, распределения, методов, объемов добычи рыбы и морского зверя в Белом и Баренцевом морях, что подытожил обзорный отчет «О рыбных и звериных промыслах Архангельской губернии» (1897 г.).

Начало XX в. — фактическое открытие богатств Мурмана и выбора главных направлений его исследования. В 1906 г. профессор Дмитрий Прянишников (с 1929 г. академик АН СССР) в Московском сельскохозяйственном институте провел вегетационные опыты, добавляя в почву нефелин (породообразующий минерал, отход при добыче апатита), привезенный с Хибин. Оказалось, что гречиха, пшеница и овес отлично усваивали содержащийся в нем калий. Эффект был даже лучше, чем от применения силвина — самого дорогого в то время калийного удобрения.

Добавим: в 1908 г. в журнале «Известия Московского сельскохозяйственного института» была напе-

*См.: В. Даркевич. «Государева крепость» на Беломорье. — Наука в России, 2000, № 5; О. Борисова. Острова молитвы и труда. — 2010, № 4 (прим. ред.).

В Хибинских горах.

Лапландский мак.

чатана статья профессора Сергея Федорова о нахождении на Турьем мысу Кольского полуострова апатитовой руды. Проведя анализы, автор сделал вывод: «В общем, состав этой породы совершенно необыкновенен и как бы приспособлен для эксплуатации в сельскохозяйственной промышленности. И это приспособление состоит не только в чрезвычайно большом содержании фосфорной кислоты и щелочей, но и в чрезвычайной легкости разложения главного минерала — нефелина».

Эти события предопределили будущее Русской Лапландии как одного из главнейших отечественных сырьевых регионов. А 4 марта 1920 г. Советское правительство постановило создать Северную научно-промысловую экспедицию, включавшую подразделения, предназначенные для выявления видов и запасов полезных ископаемых. Успех ее стал возможен благодаря надежному транспортному сообщению:

несколькими годами ранее (в 1915-1917 гг.) сюда проложили железную дорогу от Петрозаводска.

В 1920 г. на Кольский полуостров выехала комиссия в составе президента АН Александра Карпинского и минералога, геолога, академика Александра Ферсмана*. Затем в главной здешней «кладовой» — Хибинских горах — три года работала возглавленная последним Северная научно-промысловая экспедиция (в последующем на ее базе вырос Институт по изучению Севера, стоявший у истоков сельскохозяйственного освоения Лапландии). Общая протяженность ее маршрутов составила 1450 км, а вес добытого коллекционного материала превысил 3200 кг. Так было положено начало изысканиям, сыгравшим огромную роль в развитии геохимии, создании новых отраслей промышленности в высокоширотном регионе и школы отечественных минералогов.

В июне 1921 г. в Хибинах, на берегу озера Имандра, организовали сельскохозяйственный пункт, на раскорчеванной территории появились экспериментальные участки. Через три года их преобразовали в Полярно-опытную станцию Всесоюзного института растениеводства, где под руководством профессора Петра Борисова начали работу по использованию в качестве удобрений сиенита (магматической щелочной горной породы), состоящего из нефелина. Именно тут вывели десятки районированных сортов картофеля, свеклы, капусты, моркови и других овощей, теперь с успехом выращиваемых местными дачниками, ежегодно получающими урожаи ничуть не хуже, чем их коллеги из средней полосы. А еще благодаря усилиям северных селекционеров и акклиматизаторов на Кольском полуострове появились огурцы, помидоры и даже клубника.

*См.: Р. Баландин. Поэт камня. — Наука в России, 2003, № 6 (прим. ред.).

Настоящим прорывом в освоении Русской Лапландии стал 1923 г., когда геолог Александр Лабунцов открыл знаменитые апатитовые россыпи на плато Расвумчорр. Правительственная комиссия, посетившая это месторождение и соседнее Юкспор осенью 1926 г., оценила запасы здешней разновидности «камня плодородия» в 1 млн 250 тыс. т. Но за короткий срок там развели до 200 млн т руды, а прогнозные ресурсы даже эту цифру превысили в 10 раз. В 1929 г. создали трест «Апатит» республиканского значения, и стало ясно: скоро тут будет первый в стране северный регион с огромным экономическим потенциалом.

Но освоение уже открытых и еще не разведанных богатств было невозможно без всестороннего изучения Русской Лапландии. «Открытие новых месторождений неожиданно раскрывало все более и более широкие перспективы перед Кольской землей. Проблемы мирового масштаба вырисовываются на фоне современной науки, и фантастически смелым кажется их разрешение в недалеком будущем», — вспоминал Александр Ферсман. Он сознавал, что перспективы края, успехи экономического развития, условия жизни населения напрямую зависят от соединения теории с хозяйственной практикой. Однако сосредоточение всех исследовательских организаций в центре страны сдерживало развитие производительных сил окраин. Назрела необходимость создания «настоящих опорных пунктов научной работы», прообразов филиалов АН СССР.

И в 1930 г. на берегу озера Малый Вудъявр построили Горную научную станцию «Тиэтта» (ныне Кольский научный центр РАН) — первое периферийное учреждение АН СССР. Именно после его возникновения на карте региона появились символические обозначения вновь открытых залежей руд: в Мончегорской — никеля (на их базе возник мончегорский комбинат «Североникель»), в Ковдоре и Займандре — железа (Ковдорский горно-обогатительный комбинат), в Кейвах — алюминия, в Африканде — титана, в Ловозере — редких металлов и т. д.

«Мы называем нашу научную станцию лопарским словом «Тиэтта» потому, что это слово прекрасно передает назначение станции, ибо оно обозначает «наука, знание, школа», — писал Ферсман. — Действительно, задача нашей станции тройная — она должна обслуживать науку, теоретическую научную мысль, давать конкретное и точное знание для хозяйства и промышленности и, наконец, она должна явиться школой для приезжающих экскурсий, давать приют и направлять их в горы. Наша Горная станция Академии наук поэтому не замыкается в узкие задачи изучения недр и их использования в горных районах Кольского полуострова, она должна явиться широким учреждением для всестороннего географического, геохимического и экономического изучения всех областей, прилегающих к Хибинскому (прежнее название города Кировска. — *Н. В.*)».

Руководимая Ферсманом «Тиэтта» сразу превратилась в своеобразную Мекку для участников много-

численных изыскательских отрядов, геологических партий и экспедиций. На базе этой «северной академии» ежегодно проводили Полярные конференции, где обсуждали актуальные проблемы освоения края; только за первые годы ее издательской деятельности увидели свет семь сборников «Хибинские апатиты (нефелины, редкие элементы и пирротины)», регулярно выходили научные труды сотрудников станции.

Вскоре у подножия горы Вудъяврчорр, всего в 2–3 км от «Тиэтты», появилось еще одно научное учреждение — Полярно-альпийский ботанический сад (ныне Сад-институт им. Н. А. Аврорина)*, по сей день самый северный на планете, которому Ферсман передал в дар свою библиотеку, насчитывающую 10 тыс. томов. Его основателем и первым директором был Николай Аврорин, оставшийся на посту до 1960 г. Основной целью создания этого оазиса за Полярным кругом было изучение, вовлечение местного растительного потенциала в сферу промышленного производства, озеленение новых городов и поселков, вырастающих в районах строительства гидроэлектростанций, разработки полезных ископаемых вдоль железных и шоссейных дорог.

Энтузиасты под руководством Аврорина прошли тысячи километров экспедиционными маршрутами. Одним из результатов проведенной работы стал фундаментальный пятитомник «Флора Мурманской области» (1953–1966 гг.). Однако основной деятельностью ботанического сада был подбор ассортимента высокодекоративных и красивоцветущих экзотов для внедрения в практику озеленения. В их поисках кольские ботаники объездили почти всю Европу, многие сходные по природным условиям регионы Азии, почти со всего света получали посылки с семенами, корневищами, клубнями и луковицами зарубежных растений, чтобы затем акклиматизировать их в Хибинах. С этого времени ведет отсчет история отечественного декоративного цветоводства и садоводства, парковой дендрологии на Крайнем Севере.

На Кольском полуострове рождались, а затем распространялись в разные районы страны, широко применялись за рубежом многие теоретические и прикладные разработки, а научную «обкатку» прошли сотни и тысячи ученых, прославившихся затем в других регионах России.

*См.: В. Жиров, Л. Лукьянова. Оазис в Хибинах. — Наука в России, 2010, № 2 (прим. ред.).